

Съ той поры прошло три четверти вѣка, наступило время, когда находившееся прежде подъ спудомъ дѣло, можетъ быть изложено по архивнымъ документамъ и представить для читателей любопытную бытовую картинку изъ недавняго прошлаго.

I.

Льговскій помѣщикъ Ширковъ жилъ открыто и богато. Какъ обыкновенно водилось въ то время у большихъ баръ, пиры у него смѣнялись балами, за балами слѣдовали рауты, охоты, пикники и т. д. Гостей, разумѣется, бывало всегда множество. Чуть не полгубернїи съѣзжалось къ Ширкову въ имѣніе. Мало того: бывало пишетъ къ нему губернскій предводитель дворянства:

«Ееодоръ Ивановичъ, мы безъ васъ тутъ въ Курскѣ скучаемъ»...

И Ширковъ, со всѣмъ своимъ дворомъ и штатомъ, ѣдетъ въ Курскъ. Съ нимъ, разумѣется, оркестръ, хоръ, крѣпостные актеры, которымъ приходилось играть даже въ городскомъ театрѣ. По прибытіи въ Курскъ, у Ширкова начинается рядъ празднествъ...

Какъ большой баринъ, Ширковъ, конечно, и самодурствовалъ въ волю. Не мало анекдотовъ объ этомъ самодурствѣ дошло и до нашего времени. Они рисуютъ личность Ширкова въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ.

Въ день именинъ Ширкова, въ его усадьбу непременно съѣзжались представители губернской администраціи, множество богатѣйшихъ помѣщиковъ и масса всякаго рода гостей. Для большаго блеска выписывали нѣсколькихъ протоіереевъ; изъ Рыльска являлся архимандритъ и торжественно отправлялъ службу, на которой именинникъ присутствовалъ, сидя передъ алтаремъ въ мягкихъ вольтеровскихъ креслахъ. Въ концѣ молебна дьякономъ обыкновенно провозглашалось многолѣтіе «болярину Ееодору». И вотъ, въ одинъ изъ такихъ именинныхъ дней, молодой дьяконъ недавно назначенный къ церкви села Лунова, находившейся въ имѣніи Ширкова заартачился и не пожелалъ провозглашать многолѣтія «вельможному болярину»; ибо, по мнѣнію дьякона, такое многолѣтіе не согласно съ уставомъ церковнымъ. Не смотря на то, что священники и даже самъ архимандритъ, подсказывали дьякону: «болярину... болярину»..., непокорный провозгласилъ прямо: «всѣмъ православнымъ христїанамъ». Ширковъ сдѣлался мраченъ, какъ ночь. Онъ кивнулъ головой камердинеру и когда тотъ въ мгновеніе ока очутился подлѣ своего властелина, прошепталъ нѣсколько словъ.

По окончаніи службы, многочисленныя поздравленія расточались передъ Ширковымъ. Архимандритъ кланялся въ поясъ. Направились всѣ изъ церкви. Задумчивый Ширковъ вышелъ къ